

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ССРС
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VIII

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

В. В. Струве

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ ¹

О Василии Васильевиче Струве трудно говорить в прошедшем времени: образ его глубоко врос в судьбу каждого востоковеда нынешнего среднего поколения, он встает со страниц его многочисленных трудов. И потому не свежая могила на Серафимовском кладбище знаменует предел этой жизни — Струве будет жить, пока живет востоковедение.

За гранью научного мира ученые известны далеко не так, как люди искусства, хотя подлинная наука — тоже искусство. Да и как им быть широко известными, если их биографы стараются сообщить о них одни лишь «выходные данные»: тогда-то родился, тогда-то окончил такой-то факультет; обратил на себя внимание такого-то авторитета, писал диссертацию, читал курсы лекций; опубликовал трехзначное количество работ, переведенных и непереведенных, стал профессором, академиком и, наконец, умер в таком-то году. Эта устойчивая схема надежно засушивает все живое в воспоминаниях о человеке, которого мы знали; ученый превращается в икону, выставляемую напоказ в парадных случаях.

Между тем жизнь каждого настоящего ученого — это ненаписанная книга. Когда мы вглядываемся в нее, он предстает перед нами со всеми своими сильными и слабыми сторонами. Тогда скольжение по поверхности, свойственное традиционным биографиям, превращается в исследование пути ученого, и мы видим путь, который привел его в науку. Картина поучительная и радостная, потому что общество еще на одном примере убеждается в том, до каких высот может пойти человек, какие чудеса способна творить на счастье людям раскрепощенная мысль.

Струве... Думая о нем, я никогда не прибавляю к его имени слова «академик», хотя тридцать лет он высоко нес это звание. Когда в солнечный день 1 июня 1935 г. я спешил поздравить его с избранием, мною единственно руководило чувство радости за любимого профессора и хорошего человека. Познакомился я с ним, обучаясь на первом курсе, когда В. В. Струве читал нам историю древнего Востока; на втором курсе я готовил к печати его лекции, изданные годом позже. В 1935 г. все это было уже позади: я перешел на другой факультет, к другим преподавателям, готовясь к специальности, далекой от сферы интересов Василия Васильевича. Но помнил я о нем всегда и был рад, когда избрание в Академию дало повод встретиться с ним снова.

Что привлекало к Василию Васильевичу сердца людей? Эрудиция? Положение? Прежде всего — человечность. Он любил всех, кого знал.

¹ Из неопубликованной книги.

Он берет и своих мудрых ровесников, и малоопытных юношей, только что прикоснувшихся к роднику науки. Он оберегал других от всего, чего смог избежать в жизни сам, от всего, что могло обессилить слабых и озлобить сильных в семье востоковедов его времени. Председательствуя в экзаменационной комиссии, он мог любезно предложить считать испытание законченным, если видел, что экзаменатор в показном усердии начинает ставить и несущественные вопросы, нервнующие испытуемого. Возглавляя востоковедный центр страны в трудные послевоенные годы, он смело ходатайствовал за каждого ориенталиста, несправедливо отстраненного от любимого дела. Его хлебосольство известно не только случайным гостям, но и тем, кому приходилось временно пользоваться его кровом. Жизнерадостный, остроумный хозяин был душой общества, собиравшегося в доме на Васильевском острове, а в последние годы его жизни — на улице Халтурина. К нему шли все, искавшие душевного покоя ради научного творчества. В семье Струве десятилетиями царил культ уважения к нелегкому труду ученого. Это помогало и Василию Васильевичу и его посетителям. Сколько тем было задумано и обсуждено в этом добром доме, сколько работ получило здесь путевку в большую жизнь! Струве был ученым, но прежде всего — человеком светлого и щедрого сердца. Наука начинается с человечности.

Да, удивительно легко и спокойно было с этим человеком. Думаешь о нем — и, как волны на берег, набегают в памяти штрихи за штрихом, деталь за деталью из прошлых встреч. Представившись себе их и еще раз убедишься, каким действенным был гуманизм Василия Васильевича, и осознаешь, что такой дар не мог быть приобретен сразу. Всю жизнь он был ему верен и всю жизнь бережно растил его в себе. И когда кто-то из нас находит в себе такие же черты, он знает, каким могучим источником добра в его душе было общение с патриархом нашего востоковедения.

...Скорбная весть застала меня на черноморском берегу всего через месяц после того, как Струве принимал меня на своей даче в Комарово. Я не поспешил на похороны. Зачем? Увидеть черную рамку траурного объявления, от которой на минуту останавливается сердце; стоять в почетном карауле, тоскливо вглядываясь в безжизненное дорогое лицо; выслушать чинный регламент официальных речей и потухшим взглядом проводить гроб в могилу... Нет, вернувшись в Ленинград, я пошел на Неву, к сфинксам с лицом фараона Аменхотепа III. Царственный свекор прекрасной Нефертити задумчиво смотрел каменными глазами вдаль. Здесь начинал свой долгий, многотрудный путь студент Струве, отсюда, с высокого постаменты, он срисовывал древнеегипетские буквы. Густые фиолетовые чернила с золотым отливом, сохранили ли они эту запись, первую реликвию архива ученого?.. Потом я медленно прошел мимо университета; здесь он учился, и здесь я его узнал. А в этом здании помещался Институт языка и мышления, где он работал. А там, в глубине Менделеевской линии, был институт, которым он руководил. А вот Эрмитаж, где мы начали писать книгу о древнем Востоке... А вот дом, где я узнал его близких и подолгу общался с ним самим... А вот... А вот... Сколько воспоминаний, повитых горечью и гордостью! И вот его последний земной приют, дом, где, уже мучимый жестокими болями, с ампутированной ногой, он упорно и вдохновенно продолжал работать за своим рабочим столом и заразительно смеялся в кругу гостей. Таким, утверждавшим жизнь в себе и других, он и живет во мне. А оценить его публикации — это уж дело специалистов.

Г. А. Шумовский
20 декабря 1966 г.